

Протоіерей Евгеній Капраловъ.

# Л е г е н д а



## „Великомъ Инквизиторъ“

*Ф. М. Достоевскаго*

и ея религіозно-историческій смыслъ.



Лекція, прочитанная въ залъ 1-го КІЕВСКАГО ВОЕННАГО  
УЧИЛИЩА 21 декабря 1914 г.



г. Кіевъ.

Скоропечатня 1-го Кіевского военного училища.

1915 года.





Протоіерей Евгений Капраловъ.

# ЛЕГЕНДА О „ВЕЛИКОМЪ ИНКВИЗИТОРЪ“

*Ф. М. Достоевскаго*

**и ея религіозно-историческій смыслъ.**

---

Лекція, прочитанная въ залѣ I-го Кіевскаго военного училища 21 декабря 1914 г.

г. Кіевъ.

Скоропечатня I-го Кіевскаго военного училища.

1915 года.

Протоколъ Высшаго Команднаго  
Училища

1917

Протоколъ Высшаго Команднаго  
Училища

1917

---

Печатано по распоряж. Начальника I-го Киевскаго военнаго училища.

---

Всего



## Легенда о „Великомъ Инквизиторѣ“

### Ф. М. Достоевскаго и ея религіозно-историческій смыслъ.

Людямъ, ищущимъ философскаго освѣщенія жизни, удивительно цѣнную услугу оказываетъ русская художественная литература.

Художественное творчество русскихъ писателей, по отзывамъ и нашей и заграничной литературной критики, все проникнуто религіозно-философскою стихіей. Наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ исключительно художественныхъ интересовъ, но всегда и вездѣ была кафедрой, съ которой раздавалось философское и религіозно-учительное слово.

Въ этомъ отношеніи въ ряду другихъ русскихъ писателей Ф. М. Достоевскій отмѣченъ исключительнымъ одареніемъ. Это былъ не только не превзойденный доселѣ никѣмъ въ міровой литературѣ психологъ-аналитикъ, но преимущественно углубленный художникъ — *философъ*, органически сочетавшій въ своемъ лицѣ колоссальную силу вдохновенія съ пламенной душой пророка и религіознаго учителя. Характеризуя его дарованіе, затруднительно рѣшить, что въ немъ было больше: огня-ли художественнаго гения или мощи цѣльной религіозно-философской мысли.

По крайней мѣрѣ религія и ея жизненно-философскій смыслъ для его тонко чувствовавшей души составляли все, были для него вопросомъ жизни и смерти. Въ поискахъ Бога и въ приближеніи къ Нему Достоевскій, по собственному признанію, прошелъ страшный путь. На этомъ пути онъ безтрепетно заглянулъ въ самую бездну невѣрія и отрицанія, пронесъ свою восторженную „осанну“ Богу и Христу чрезъ ужасное горнило испытаній, мучительно, но до тла пережегъ все сомнѣнія прежде, чѣмъ сталъ религіознымъ проповѣдникомъ. Замѣчаніе одного его героя, что его „Богъ всю жизнь мучилъ“ имѣеть вполне автобіографическій характеръ; а многіе, мѣстами потрясающіе своимъ драматизмомъ монологи на религіозныя темы, которые отъ влагаетъ въ уста разныхъ героевъ своихъ романовъ, сняты прямо со скрижалей его собственной религіозно-мятежной совѣсти...

Несомнѣнно этою особенностью его личныхъ переживаній объясняется то, что проблемы вѣчности поставлены у него съ такою жуткою отчетливостью и разрѣшаются съ такою силою убѣжденности, что иногда 20—30 страницъ его разсужденій (казалось бы, случайно иногда набросанныхъ) стоятъ добраго тома спеціальныхъ богословскихъ изслѣдованій.

Среди этихъ проблемъ центральное положеніе занимали у Достоевскаго вопросъ о Богѣ и безсмертіи. Ими онъ болѣлъ цѣлую жизнь; къ нимъ прямо или косвенно возвращался съ особенною охотсю постоянно; и нѣтъ, кажется, ни одного его произведенія, включая даже публицистическія статьи, гдѣ бы онъ такъ или иначе не касался этихъ вопросовъ.



Отъ нихъ въ концѣ своей литературной дѣятельности Достоевскій перешель въ частности къ темѣ о христіанствѣ и его философіи. Изъ его писемъ извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ задумалъ написать громаднѣйшій романъ размѣромъ въ „Войну и Миръ“ Л. Толстого и тамъ разрѣшить вопросъ о грѣшникѣ и Христѣ, точнѣе—о побѣдѣ во Христѣ и черезъ Христа соблазновъ теоретическаго невѣрія и развращенной совѣсти. Исполнить задуманнаго ему не удалось. Отъ всего его замысла мы имѣемъ знаменитую хронику-романъ „Братья Карамазовы“. Но въ этомъ романѣ есть замѣчательная глава всего въ 15—16 страницъ, „фантастическая легенда“, озаглавленная „Великій Инквизиторъ“,—въ которой Достоевскій и сказалъ свое, тщательно выношенное въ сердцѣ и головѣ, слово о Христѣ и о борьбѣ съ Нимъ и Его дѣломъ соблазненнаго зломъ человѣка.

Краткое истолкованіе этой легенды и имѣется въ виду настоящимъ очеркомъ. Дѣлать полный комментарий легендѣ—въ рамкѣ небольшого доклада. Я остановлю свое вниманіе только на главныхъ моментахъ легенды, чтобы показать, что знаменія нашего времени до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ въ своихъ источникахъ, угадывались уже давно пророческимъ прозрѣніемъ Достоевскаго...

## I

Легенда составляетъ какъ бы пояснительную вставку въ романъ, но такую, которая становится понятною только въ связи съ обстоятельствами, предшествовавшими ея произнесенію. Легенду рассказы-



ваетъ Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ. Братья сидятъ въ скверномъ трактирѣ и ведутъ разговоръ на высокія темы о разумѣ бытія и примиреніи въ немъ зла. Иванъ, умный, но изломанный уже, скептикъ, „заявляетъ“ бунтъ противъ Бога по поводу факта неискупленныхъ дѣтскихъ страданій. Этихъ страданій и слезъ дѣтскихъ онъ никакъ не можетъ примирить съ необходимостью полной гармоніи въ нравственномъ міропорядкѣ. Алеша безпокойному и бунтующему брату напоминаетъ То Существо, Которое кровью, пролитою на крестѣ, сгладило все противорѣчія жизни и Одно имѣетъ право простить *все и вся и за всѣхъ*. Тогда, желая спасти свою позицію, Иванъ и рассказываетъ свою поэму-легенду, и въ ней желаетъ дать Алешѣ отвѣтъ и вмѣстѣ возраженіе. Какъ возраженіе на слова Алеши, легенда слаба (такъ должно быть и по мысли Достоевскаго). Но какъ отвѣтъ, въ которомъ ярко изображена печальная историческая правда о поруганіи дѣла Христа на торжищѣ современной культуры, легенда есть единственный по цѣнности, классическій перлъ въ художественно-религіозной литературѣ всего міра, — вмѣстившій въ свои небольшія строки всю сложную психологию отреченія человѣка отъ Христа во имя соблазновъ земли....

Легенда переноситъ насъ въ средніе вѣка въ Испанію, когда въ самый разгаръ инквизиціи „во славу Божию“ ежедневно горѣли многочисленные костры съ еретиками. Въ это время, склоняясь на мольбы грѣшнаго, но горячо любящаго Его человѣчества, вторично сходитъ на землю Христосъ. Онъ появляется въ Севильѣ. „Онъ появился тихо, незамѣтно, и

вотъ всё—странно это—(разсказываетъ Иванъ) узнаютъ Его... Народъ непобѣдимою силою стремится къ Нему, окружаетъ Его, нарастаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкою безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи свѣта Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила...

Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ предъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіютъ Ему: „осанна!“ „Это Онъ, это Самъ Онъ, повторяютъ всё, это должно быть Онъ, это никто, какъ Онъ“... Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда въ храмъ вносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина“... По мольбѣ матери Христосъ воскрешаетъ дѣвочку... „Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія, и вотъ въ эту самую минуту вдругъ проходитъ мимо собора по площади самъ кардиналъ, великій инквизиторъ. Это девяностолѣтній почти старикъ, высокій и прямой, съ изсохшимъ лицомъ, со впалыми глазами, но изъ которыхъ еще свѣтится, какъ огненная искра, блескъ... Онъ останавливается предъ толпой и наблюдаетъ издали. Онъ все видѣлъ, онъ видѣлъ, какъ поставили гробъ у ногъ Его, видѣлъ, какъ воскресла дѣвица, и лицо его омрачилось. Онъ хмуритъ сѣдые густыя брови свои и взглядъ его сверкаетъ зловѣщимъ огнемъ. Онъ про-



стираетъ персть свой и велитъ стражамъ взять Его“. Толпа оставляетъ Его... Ночью въ тюрьму Святого Судилица, куда заключенъ Христосъ, приходитъ Великій Инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукахъ. „Онъ останавливается при входѣ и долго, минуту или двѣ, всматривается въ лицо Его; наконецъ тихо подходитъ, ставитъ свѣтильникъ на столъ и говоритъ Ему (приводимъ рѣчь его въ значительномъ сокращеніи):

„Это Ты?“ Ты? Но, не получая отвѣта, быстро прибавляетъ: не отвѣчай, молчи... Я слишкомъ знаю, что ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь прибавлять къ тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачѣмъ же Ты пришелъ мѣшать намъ? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать и Самъ это знаешь. Но знаешь ли, что будетъ завтра?... Завтра я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію, бросится подгребать къ Твоему костру угли, знаешь Ты это?...

„Тебя предупреждали, Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ предупрежденій, Ты отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми“..

И затѣмъ тотчасъ же Инквизиторъ упрекаетъ Христа за то, что Онъ отвергъ искушенія, которыми соблазнялъ Его діаволь въ пустынѣ, между тѣмъ какъ по словамъ Инквизитора, въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ (искушеній) заключалось громовое чудо, ибо „въ этихъ трехъ вопросахъ предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся все неразрѣшимыя



историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ... въ этихъ трехъ вопросахъ все до того угадано и предсказано, до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“.

„Рѣши же Самъ, кто былъ правъ: Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ, хоть и не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они (люди), въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ, не могутъ и осмыслить, котораго они боятся и страшатся... А видишь ли сіи камни въ этой нагой раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самого хлѣба земного и возстанетъ на Тебя Духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ“. А „на мѣстѣ храма Твоего воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня“. Христосъ проповѣдывалъ свободу человѣка, какъ высочайшій даръ, но, говоритъ Инквизиторъ, „нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается, но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть... Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода совѣсти, но нѣтъ

ничего и мучительнѣе“. А „Ты, продолжаетъ Инквизиторъ, Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей... Такимъ образомъ, Самъ Ты положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства... А между тѣмъ, то-ли предлагалось Тебѣ?..“

— Діаволь соблазнялъ Христа чудомъ, уговаривалъ Его броситься внизъ съ кровли храма; Христу, „искушая и дразня Его, кричали, когда Онъ висѣлъ на крестѣ: сойди со креста и мы увѣруемъ въ Тебя“, но Христосъ не внялъ этимъ соблазнамъ, потому что „не захотѣлъ опять поработить человѣка чудомъ и жаждать свободной вѣры, а не чудесной“. Но и тутъ Онъ судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они (люди) невольники“. „Мы, объясняетъ Инквизиторъ, мы исправили подвигъ Твой и основали его на чудѣ, тайнѣ и авторитетѣ... Къ чему же теперь Ты пришелъ намъ мѣшать?..“

—И что-Ты, раздражается Инквизиторъ, молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя... И я ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: мы не съ Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна!“

—Мы взяли отъ него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земли.. Мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря... Мы будемъ кесарями и ужъ тогда помыслимъ о всемірномъ счастьи людей... Мы взяли мечъ Кесаря, а взявъ его, конечно, отвергли Тебя и пошли за *нимъ*...



— Ты гордишься Твоими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоимъ всѣхъ... Мы дадимъ (людямъ) тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы; мы докажемъ имъ, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго... Они будутъ ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы могучи и умны; они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и смѣху, свѣтлой радости, и счастливой дѣтской пѣсенкѣ...

— „Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое и за гробомъ обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ же счастья будемъ манить ихъ наградою небесной и вѣчною“...

„То, что я говорю, заканчиваетъ свою рѣчь Инквизиторъ, сбудется, и царство наше соиздается... А Тебя за то, что Ты пришелъ намъ мѣшать, я завтра сожгу. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты: завтра сожгу Тебя. Dixi“...

Когда Инквизиторъ умолкъ, то нѣкоторое время ждетъ, что Плѣнникъ ему отвѣтитъ. Ему тяжело Его молчаніе. Онъ видѣлъ, какъ Узникъ все время слушалъ его, проникновенно и тихо смотря ему въ глаза, и видимо не желая ничего возражать. Старику хотѣлось бы, чтобы тотъ сказалъ что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста. Старикъ вздраги-



ваетъ. Что-то шевельнулось въ концахъ губъ его: онъ идетъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему: ступай и не приходи болѣе... не приходи (вовсе...) никогда, никогда! И выпускаетъ Его на „темныя стогна града“. Пльнникъ уходитъ. Поцѣлуй горитъ въ сердцѣ старика, но старикъ остается въ прежней идеѣ“...

## II

Какъ видите, это цѣлая философія христіанской исторіи. Въ легендѣ выдвинута широкая и сложная тема: противопоставлены два міровоззрѣнія и жизнепониманія: Евангельское христіанское и антихристіанское человѣческое: Христось поставленъ рядомъ и лицомъ къ лицу съ Великимъ Инквизиторомъ. — Нельзя думать, что легенда есть только религіозно-историческій комментарий къ громадной неправдѣ, лежащей въ основаніи католической вѣроисповѣдной доктрины именно — къ римско-католическому ученію о папскомъ абсолютизмѣ. Конечно, легенда чрезвычайно вышукло выдвигаетъ между прочимъ и этотъ моментъ, но замысль ея несравненно шире этой рамы, такъ, какъ несравненно широка и тема разговора Ивана и Алеши, давшая начало легендѣ. И Инквизиторъ отнюдь не есть только представитель католическихъ заблужденій. Для этого онъ слишкомъ очевидный атеистъ. Алеша прямо это утверждаетъ: „Инквизиторъ твой, восклицаетъ онъ, обращаясь къ Ивану, въ Бога не вѣруетъ, вотъ и весь его секретъ“. „Наконецъ-то ты догадался“, соглашается и Иванъ... Да, онъ могъ явиться, какъ естественное порожденіе католичества, запутавшагося въ противорѣчіяхъ между началами христіанскаго ученія и практикой грѣшной воли, взявшей рѣзкій уклонъ въ сторону земныхъ, через-

чуръ вещественныхъ интересовъ (папское всевластіе). Но, по замыслу легенды, въ собственномъ смыслѣ роднымъ отцомъ Великаго Инквизитора былъ и есть тотъ мрачный *Духъ земли*, который держитъ въ плѣну громадную массу религіозно слабо воспитанныхъ натуръ и отрываетъ ихъ отъ живого соприкосновенія съ христіанствомъ. А самый монологъ Инквизитора — не только обвинительный актъ противъ католичества, но, какъ мнѣ кажется, въ большей степени своеобразное судебное преніе между христіанствомъ и силою антихристіанскихъ доктринъ; между пониманіемъ идеала жизни, какъ онъ изображенъ въ Евангеліи и тѣмъ, какъ онъ созданъ философіей безрелигіозной культуры. Это давнишній разговоръ на тему: нельзя ли найти христіанству подходящій эквивалентъ, нѣчто равносильное по значенію для жизни, но — безъ всякаго отношенія и обращенія къ метафизикѣ и мистикѣ, т. е. попросту говоря: нельзя ли устроиться благополучно и счастливо на землѣ безъ Бога?

Легенда ставитъ этотъ вопросъ съ подчеркнутою силою и съ меньшей силою отвѣчаетъ на него: нѣтъ, нельзя. При чемъ умная по замыслу легенда драгоцѣнна именно потому, что положительное рѣшеніе *въ пользу* христіанства проведено въ ней по линіямъ, глубоко соприкосновеннымъ и въ тоже время рѣзко и принципиально отмежовывающимъ христіанство отъ безрелигіознаго жизнепониманія. Отвѣтъ данъ не прямо, — такъ, что его нужно извлекать изъ мрачно-напряженныхъ словъ Инквизитора. Христосъ въ легендѣ молчитъ. Говоритъ только Инквизиторъ. Но то, что онъ говоритъ, въ складкахъ обличительной рѣчи таитъ прямое признаніе истины того, что она опро-



вергаетъ, на что нападаетъ... Вся рѣчь построена на мотивъ „распи Его“, но когда вы вслушиваетесь въ построение ея, вы отчетливо чувствуете, что въ ней поется „осанна“ Христу.

Съ одной стороны вы наглядно видите, слушая Инквизитора, что онъ, выступая противъ Христа, дѣйствуетъ во имя человѣка и его счастья, какъ задушевный и сострадательный другъ людей. Въ отдѣльных случаяхъ вы чувствуете, что онъ какъ будто неопровержимо правъ, что рѣчь его звучитъ неподдѣльною искренностью и подкупающею убѣжденностью. Ни тѣни шаржа, ни одной черты рискованной утрировки... Инквизиторъ, если хотите, другъ Христа, по крайней мѣрѣ былъ имъ когда-то; онъ нѣкогда принялъ Его подвигъ, былъ въ пустынѣ, питался акридами и кореньями, готовился стать въ число избранныхъ; стоялъ за свободу человѣка, возвѣщенную Христомъ. Но онъ скоро понялъ, что это не его дорога, что его дорога—мимо Христа и противъ Христа. Теперь онъ, — о, теперь онъ совсѣмъ не то. Онъ свою позицію прекрасно выяснилъ: *знай, что мы не съ Тобой...*

Съ другой стороны, въ этихъ изломахъ больной души Инквизитора вы сразу же улавливаете какую-то мертвую точку, около которой беспомощно бьется зацутававшаяся въ противорѣчійхъ мысль судьи Христа и предъ которой она поникаетъ въ полномъ крушеніи... Вы чувствуете, что его настроеніе: то подчасъ глубокая грусть, то гнѣвные вспышки противъ Христа, то состраданіе къ людямъ, то великое презрѣніе къ безтолковой, тупой и жалкой толпѣ—все это повергаетъ его въ бездну внутреннихъ противорѣчій и отнимаетъ увѣренность въ собственной, основательно, казалось бы, продуманной правдѣ...



Когда Инквизиторъ съ глухой раздраженностью и подавленнымъ гнѣвомъ говоритъ Христу: *зачѣмъ Ты пришелъ мѣшать намъ?* когда, затѣмъ, отрекаясь отъ Него съ безпримѣрною рѣзкостью, онъ говоритъ: *мы не съ Тобой, а съ нимъ;* когда беретъ на свою совѣсть страшную рѣшимость завтра сжечь Его, — во всемъ этомъ вы слышите ясно затаенную боязнь, что сдѣлана роковая ошибка, что серьезно и глубоко обезпокоена совѣсть, голосъ который хотятъ заглушить искусственно-громкимъ крикомъ горделиваго упрямства, что утеряно что-то безцѣнно дорогое, утрата чего лишаетъ мысль ясности и сердце спокойствія. Наконецъ, эпилогъ легенды, — самое лучшее по художественной красотѣ и идейной выразительности мѣсто легенды... Христосъ кроткій и сострадательной цѣлуетъ старика... Что же старикъ? Онъ вздрагиваетъ. Въ углахъ его губъ что-то шевельнулось и онъ... отпускаетъ Христа на „темныя стогна града“. Правда, онъ съ угрозой заказываетъ Ему больше не приходиться вовсе и никогда, но онъ отпускаетъ Его, а не казнить, какъ обѣщаль. Правда, онъ остается „въ прежней идеѣ“, но „поцѣлуй Христа горитъ въ его сердцѣ“... Однимъ словомъ, весь тонъ его рѣчи, и слова и аргументы, которыми Инквизиторъ обосновываетъ свое отреченіе отъ Христа, обнажены въ своей слабости до чрезвычайности, не смотря на видимую замысловатость. Такъ что Алеша, слѣдившій за ходомъ монолога В. Инквизитора съ напряженіемъ, непосредственнымъ чутьемъ чистаго сердца сразу схватываетъ это, и полуизумленно, полуторжествующе восклицаетъ: „Но... это нелѣпость! *поэма твоя хвала Иисусу, и не хула...* какъ ты хотѣлъ того“...

Послѣднее и имѣлъ въ виду сказать Достоевскій легендой т. е. имѣлъ въ виду громко и опредѣленно сказать, что, возстающая на Христа и отрекающаяся отъ Него безрелигіозная часть человѣчества основными догматами своего исповѣданія, если ихъ пропустить чрезъ тщательную критическую оцѣнку, только подчеркиваетъ вѣковѣчную незыблимость и абсолютность истинъ христіанства. Достоевскій хотѣлъ сказать, что В. Инквизиторъ живъ, и дѣйствуетъ понынѣ такъ же умно, такъ же ошибочно и... „съ возвышенною грустью“, какъ и раньше. Только это не отдѣльное лицо, а коллективная сила, — это современное научное богоборчество, идущее противъ Христа подъ привлекательнымъ знаменемъ любви къ человѣчеству. Оно смежно съ христіанствомъ по своему теоретическому ученію о любви къ людямъ; оно *вънѣ* носитъ на себѣ черты, приближающія его къ высотамъ евангельскаго идеала жизни; и въ тоже время это сила — глубоко чуждая началамъ христіанства, ему вполне противоположная, ибо въ имя человѣка въ современномъ богоборчествѣ отчается Богочеловѣкъ Христосъ и дѣло Евангелія считается неудавшимся... Это всесторонне больное и глубоко губительное настроеніе времени. Обнажить его раны и предостеречь отъ его смертоносныхъ соблазновъ — вотъ, какъ мнѣ кажется, идейное заданіе и дидактическая цѣль легенды. И надо сознаться, что выполнено это заданіе въ легендѣ блестяще.

По схемѣ трехъ искушеній Христа въ пустынь уязвимыя стороны современнаго богоборчества открываются у Достоевскаго въ такой послѣдовательности: искушеніе хлѣбомъ, искушеніе чудомъ, искушеніе всемірнымъ господствомъ.



III

Инквизиторъ быть глубоко правъ, когда говоритъ, что въ трехъ вопросахъ или искушеніяхъ великаго и зла духа пустыни „выражена вся будущая исторія міра и человѣчества, что въ этихъ трехъ вопросахъ все до того угадано и предсказано, и до того все оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“. Человѣческая исторія прошлаго и настоящаго, поскольку эта исторія касается вопроса о разумѣ, смыслѣ и формахъ достойнаго человѣческаго существованія, дѣйствительно, вся вращается около проблемъ хлѣба, чуда и владычественнаго положенія человѣка во вселенной. И прежде всего около проблемы хлѣба.

Нельзя назвать другого предмета, около котораго сосредоточено было столько вниманія, труда, заботъ и изнурительнаго напряженія человѣка, какъ около вопроса о кускѣ хлѣба,—о томъ, чтобы не умереть съ голоду,—чтобы жить, жить во что бы то ни стало. Инстинктъ жизни неистребимъ въ человѣкѣ, и прежде всякихъ другихъ стремленій—инстинктъ жизни вещественной, матеріальной. Голосъ земли и плоти—самый громкій, самый настойчивый, самый требовательный, до грубости, до цинизма, до жестокости деспотическій голосъ. Если бы кто сказалъ намъ сейчасъ, что человѣкъ заявилъ себя въ исторіи громадными запасами только или преимущественно *духовныхъ* приобрѣтеній,—что онъ всегда былъ и теперь есть преимущественно свободный гражданинъ въ царствѣ *духа* и его высшихъ проявленій, то противъ себя

встрѣтилъ бы непобѣдимо сильный, фатально-уничтожающій протестъ прошлой человѣческой исторіи и настоящаго уклада жизни. О, конечно, гениемъ чело-вѣка во всѣхъ областяхъ духа достигнуты почти сверхестественные успѣхи: триумфъ ума, техники и матеріальныхъ усовершенствованій — поразителенъ; мы живемъ въ вѣкъ невѣроятныхъ чудесъ. Даже моральные идеалы съ теченіемъ времени съ виду утончились до необычайности: современный интеллигентный чело-вѣкъ, воспитанный на классической художественной литературѣ и памятникахъ искусства, обладаетъ удивительно изощренною моральною чуткостью и способностью безошибочно вѣрно опредѣлять самые сложные и запутанные факты изъ моральной области. Однимъ словомъ, если когда, то, казалось бы, именно теперь можно было бы провозгласить эру торжества духа. И однако только слѣпой не можетъ видѣть и понять подлиннаго лица современной культурной жизни,—той страшно разрушительной силы, которая возстала давно на духъ чело-вѣка. Гордо-побѣдный, царственно-могучій издали т. е. въ теоретическихъ опредѣленіяхъ, въ отвлеченно-формальныхъ оцѣнкахъ должнаго и не должнаго, хорошаго и дурного, духъ чело-вѣка *вблизи* оказывается жалкимъ рабомъ земли и куска хлѣба; логика желудка для него часто бываетъ выше логики ума и совѣсти: законы правды, требованія высокихъ моральныхъ истинъ хранятся имъ обычно только для парадныхъ выступленій съ высоты разнообразныхъ общественныхъ кафедръ, рѣшительно гарантирующихъ отъ необходимости идеалы и истины воплощать въ практику жизни или даже всего только въ доброе настроеніе. Тор-



жествующее знамя *духовной* культуры давно оказалось раздерганнымъ вѣтрами грубой жизни, и дождями всякихъ безжалостныхъ непогодъ давно смыто съ него гордое надписаніе: *во имя идеаловъ духа*. Въсто этой надписи тамъ проступила и засіяла зловѣщими буквами другая надпись: *хлѣба! и да здравствуетъ сытость!* Это знамя развѣвается почти повсюду на нашихъ глазахъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ современной жизни, а его надписаніе лежитъ, какъ роковая Каинова печать, на всѣхъ дѣлахъ, словахъ и намѣреніяхъ человѣческихъ, уравнивая людей всякихъ положеній и поработая своему началу всѣхъ безъ различія; причемъ люди попроще, непосредственнѣе откровенно исповѣдуютъ „божественную“ непреложность этого лозунга; а люди интеллигентской складки стыдливо прикрываютъ его прозрачной вуалью лицемѣрныхъ фразъ о красотѣ добра и правды. И такъ было всегда, есть сейчасъ и нѣтъ предчувствій, что когда либо будетъ иначе.

Въ этомъ страшная правда перваго искушенія. Страшна эта правда потому, что она абсолютно безспорна, ибо воистину нѣтъ ничего достовѣрнѣе „хлѣба“ т. е. достовѣрнѣе по фактичности и жизненной неотразимости. Но тысячекратно страшнѣе эта правда хлѣба, если ее возвести на степень философски оправданной истины, т. е. если не только мириться съ нею, какъ съ громаднымъ несчастіемъ, но объявить ее безспорнымъ закономъ жизни, повелительнымъ началомъ ея. Тогда она становится теоретически одобренною программой жизни и встаетъ во весь ростъ уже въ роли активного фактора богоступничества. Самъ по себѣ—въ смыслѣ средства матеріальнаго существованія человѣка—хлѣбъ для

жизни религіозной нейтраленъ. Когда забота о немъ выражается въ стремленіи создать наилучшія условія матеріальнаго бытія человѣка, когда она есть желаніе дать божественному началу въ человѣкѣ торжество надъ вещественной природой путемъ организациі экономической жизни на началахъ общественной справедливости и взаимной во имя Божіе поддержки, тогда хлѣбъ земной, какъ не отрицающій хлѣба небеснаго, благословенъ Богомъ. Но когда онъ становится самодовлѣющею цѣлью, онъ исключаетъ божественное начало, потому что уже неизбѣжно набрасываетъ на глаза человѣка покрывало, которое закрываетъ отъ него небо. Богъ и мамона — несовмѣстимы; или Богъ или мамона, одно изъ двухъ.

Справиться съ этою дилемой человѣку трудно, трудна тутъ побѣда надъ соблазномъ хлѣба въ сторону божественнаго начала...

Глубокимъ художественнымъ чутьемъ Достоевскій постигалъ эту роковую власть хлѣба удивительно вѣрно. И вотъ у него въ легендѣ первый отвѣтъ на вопросъ: какая сила отвлекаетъ людей отъ Христа и на какихъ позиціяхъ прежде всего чувствуется коренное расхожденіе евангельскаго жизнепониманія и человѣческаго. Отвѣтъ такой: хлѣбу небесному, данному Христомъ, человѣкъ самочинно въ качествѣ самозаконнаго, безпорнаго заправителя жизни противопоставилъ хлѣбъ земной. И не только противопоставилъ, но постарался научно-философски повѣрить въ правду это противопоставленія, создавши цѣлую теорію (въ соціальныхъ доктринахъ), гдѣ проповѣдуется всемогущество и единопоклоняемость только земнымъ цѣностямъ, — земной вещественный рай безъ всякихъ надеждъ на небо.



Достоевскій видѣлъ и болѣзненно чувствовалъ, какія побѣды одерживаетъ это жизнепониманіе въ средѣ современнаго общества. Онъ мучительно страдалъ отъ этого, потому что отчетливо понималъ всю его грубую ложь. Ему обидно было за человѣка и его достоинство и потому онъ съ особенною силою отмѣчаетъ въ этой теоріи жизни болѣе всего поруганіе человѣка и его духа. Какою цѣною, спрашиваетъ онъ, покупается счастье хлѣбной сытости (въ широкомъ смыслѣ этого слова)? И словами В. Инквизитора, которыя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и приговоръ надъ его грубой философіей жизни, отвѣчаетъ такъ: достигается это счастье цѣною страшнаго пониженія въ человѣкѣ уровня его истинно-человѣческаго достоинства. Для того, чтобы получить это счастье, надо отнять у человѣка свободу, надо, накормивши его досыта (соціалистическое равенство въ матеріальномъ обезпеченіи), успокоить его совѣсть, дать ему легкій, удобопріемлемый объектъ поклоненія, принизить его сознаніе, убѣдить, что его порывы за грани земли въ область вѣчныхъ вопросовъ, все это — нездоровыя фантазіи („необычное, неопредѣленное, гадательное“) и какъ таковыя, ненужны ему; т. е. для этого надо ни больше, ни меньше какъ убить въ человѣкѣ человѣка, обративши его въ плоскаго духомъ, благополучнаго мѣщанина, котораго въ концѣ концовъ не станутъ уважать сами творцы подобнаго „хлѣбнаго счастья“.

Въ идеологію „сытой“ жизни (соціалистической), конечно, не входитъ такое отношеніе къ человѣку и его личности: по отвлеченнымъ разсчетамъ ея проповѣдниковъ „сытое“ существованіе — есть благоденственное бытіе. Но Достоевскій, какъ тонкій зна-

токъ всѣхъ психологическихъ пружинъ, на которыхъ стоитъ и которыми движется общественная жизнь человѣчества, вѣрно предугадывалъ всѣ реальныя послѣдствія, какими должно сопровождаться осуществленіе въ человѣческой исторіи идеала безрелигіозной жизни, построенной только на „хлѣбномъ“ фундаментѣ. Въ обольщеніи людей нашихъ дней благами этого идеала онъ видѣлъ коварное (сознательное или бессознательное — это все равно) и вмѣстѣ преступно-пренебрежительное отношеніе къ человѣческой личности. Оно ярко охарактеризовано имъ въ отношеніи В. Инквизитора къ той толпѣ, счастьемъ, которой онъ такъ серьезно, повидимому, озабоченъ.

Когда вы читаете первую часть монолога Инквизитора, вы не можете не чувствовать этого, вы чувствуете это съ непосредственною силою. Вы чувствуете, что В. Инквизиторъ безконечно лукавъ, какъ лукавъ его первообразъ — страшный и умный духъ пустыни. Онъ надѣваетъ только для виду личину демократа, говоритъ лицемѣрно — льстивыя рѣчи о благѣ человѣчества, какъ будто и на самомъ дѣлѣ любящій другъ слабыхъ и угнетенныхъ. На самомъ дѣлѣ рѣчь его съ начала и до конца вся дышетъ презрѣніемъ къ человѣческой массѣ. Для него поколѣнія, которыя предположено облагодѣтельствовать „хлѣбомъ“, есть стадо тупое, безтолковое, — жалкіе, слабосильные рабы, презрѣнные бунтовщики, ничтожные въ такой степени, что, если и есть какое-либо загробное царство, то, по признанію Инквизитора, во всякомъ случаѣ оно не для такихъ, какъ они...

Своя доля печальной правды въ этой желчной характеристикѣ средней человѣческой массы, конечно, есть, но развѣ можно ее налагать, какъ безошибочно



вѣрное опредѣленіе на природу человѣческую вообще? Въ массѣ своей человѣкъ, дѣйствительно, слабъ, пороченъ, неблагодаренъ, даже бунтовщикъ. Но ничтоженъ-ли онъ въ такой абсолютной степени, какъ клевететь В. Инквизиторъ?

Вѣрно, что подвигъ т. е. сознательное преодоленіе препятствій въ области нравственнаго совершенствованія для средняго характера почти не по силамъ; вѣрно, что слабый человѣкъ нерѣдко малодушно уклоняется отъ природнаго властнаго влеченія къ свободной работѣ моральнаго саморазвитія? Но абсолютно ли и такая слабость? И отказъ отъ свободнаго и высокаго подвига по слабодушію даетъ-ли человѣку забвеніе его природнаго дара свободы и ощущеніе прелести подвига?

Не наоборотъ—ли? Тѣ муки, которыми мучится слабый человѣкъ отъ чувства трудной исполнимости для него свободнаго подвига, развѣ онѣ свидѣтельствуя о роковомъ и непобѣдимомъ противорѣчии его природы, а не о распущенности его лѣнивой воли? Чувство неугасимаго жгучаго стыда, которое испытывается человѣкомъ въ минуты признанія своихъ паденій, происшедшихъ благодаря нерадѣніемъ ослабленной волѣ, не есть ли указаніе на избытокъ въ человѣкѣ великихъ возможностей въ области нравственнаго роста? Способность понимать моральную красоту въ другомъ, непреодолимая жажда преклоненія предъ нравственнымъ героизмомъ,—а эта способность и жажда знакомы всякой, даже глубоко преступной, душѣ—развѣ все это не есть печать природной, врожденной каждому человѣку богочеловѣческой силы?

Съ этими безспорными показаніями нравственной

психологіи какъ самъ Инквизиторъ, такъ и его единомышленники (современные проповѣдники сятаго счастья безъ Бога) не считаются, забывая всюду, при самыхъ даже неблагопріятныхъ условіяхъ, торжествующую истину, что человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ... Толпа, презираемая В. Инквизиторомъ и уже опредѣленнымъ образомъ духовно-искалѣченная въ его школѣ, плѣненная, казалось бы, окончательно соблазнами земного хлѣба,—да, она жалка въ своемъ рабскомъ послушаніи мановенію руки стараго кардинала, но вѣдь изъ нея же (говоритъ Достоевскій) вышли тѣ герои, которыхъ инквизиціонный трибуналъ еще вчера жегъ на кострѣ и которые предпочли скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить высшей истинѣ. Вѣдь эта же толпа, даже среди своихъ грѣховъ и, можетъ быть, именно благодаря ихъ неотвратимому деспотизму, чрезъ всѣ вѣка исторіи сумѣла пронести, какъ драгоцѣннѣйшее достояніе, благоговѣйную вѣру во Христа, горячую надежду на спасеніе только отъ Него и безграничную любовь къ Нему,—пусть затаенную, малоосознанную, но всецѣло заполнившую ея душу, настолько всецѣло, что вся она задрожала трепетомъ восторга и забила въ сладостныхъ рыданіяхъ, когда убѣдилась, что Самъ Христосъ сошелъ опять на землю увидѣть людскія страданія и горе ..

Того-ли заслуживаетъ (какъ бы такъ спрашиваетъ Достоевскій) эта многогрѣшная, слабая, но во грѣхахъ и слабостяхъ своихъ отъ природы боголюбивая душа человѣческая, чтобы ее безжалостно ограбить и вмѣсто хлѣба жизни бросить ей черствыя, какъ камни пустыни, хлѣбы только земного благополучія?...

Нѣтъ, отвѣчаетъ легенда, человѣкъ стоитъ без-



конечно больше, чѣмъ во сколько оцѣнила его безрелигіозная философія великихъ и малыхъ Инквизиторовъ нашего времени,—и дѣлю Христа слишкомъ высоко и слишкомъ органически слито всеми своими жизненными творческими силами съ нѣжными тканями духа человѣческаго, чтобы можно было замѣнить его всего лишь грубымъ фальсификатомъ гуманности.

Въ прямой формѣ положительная оцѣнка христіанства въ монологѣ В. Инквизитора отсутствуетъ. Христосъ въ легендѣ молчитъ. Но если бы Онъ сталъ отвѣчать Инквизитору, Ему не нужны были бы новые аргументы для опроверженія блѣдныхъ и мрачныхъ рѣчей „о хлѣбѣ“ несчастнаго старца: Онъ могъ бы отвѣтить ему почти цѣликомъ его же словами, возвративъ имъ ихъ настоящій, положительный смыслъ. Въ этихъ словахъ „хвала Іисусу“ поется, дѣйствительно, ясно.—Да, слышится въ легендѣ съ поразительною отчетливостью,—когда злой духъ искушалъ Христа въ пустынѣ, предлагая превратить камни въ хлѣбы, чтобы пріобрѣсти благодарное и послушное себѣ стадо людское, Христосъ отвергъ это предложеніе, потому что оно было унижительно для божественнаго величія Сына Божія и упраздняло Его любовь и милосердіе къ человѣку. Онъ не хотѣлъ лишить человѣка свободы, которую Онъ ставилъ выше всего, ибо какая же, въ самомъ дѣлѣ, свобода, если послушаніе куплено хлѣбомъ?...

— Да, Христосъ не захотѣлъ и не могъ унижить человѣка, потому что Онъ пришелъ не унижить, а возвысить, поднять человѣка до Себя; поэтому Онъ и увеличилъ его свободу, а не овладѣлъ ею. Онъ возжелалъ *свободной* любви человѣка, чтобы онъ *свободно*

пошелъ за Нимъ, прельщенный и плѣненный Его свѣтомъ; чтобы онъ *свободнымъ* сердцемъ рѣшилъ самъ, что добро и что зло, имѣя въ руководство Его образъ предъ собою, *ибо безъ свободы нѣтъ человѣка...*

— Да, Христось указалъ человѣку *другой* хлѣбъ, не вещественный, *небесный* хлѣбъ. Но это и было то, что необходимо для разумнаго, свободнаго существа, какимъ созданъ человѣкъ. То, что Инквизиторъ называетъ „необычнымъ, гадательнымъ и неопредѣленнымъ“, единственно достойно его природнаго величія. Это есть то, что превращаетъ мучительную загадку жизни человѣка въ осмысленное убѣжденіе, —неопредѣленное томленіе по идеалу въ радостную вѣру въ его достиженіе. Въ этомъ вся цѣликомъ разгадка міровой тайны бытія человѣка, ибо „тайна бытія человѣческаго, дѣйствительно, не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить. Безъ твердаго представленія себѣ, для чего ему жить, человѣкъ въ самомъ дѣлѣ не согласится жить и скорѣе истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ, хотя бы кругомъ его все были хлѣбы“...

— Инквизиторъ упрекаетъ Христа за то, что Онъ спасаетъ только десятки тысячъ сильныхъ и губитъ милліоны слабыхъ, которымъ не по силамъ будто бы свобода. И онъ думаетъ, что есть только одинъ путь спасти эти милліоны, —именно путь обмана, подкупа совѣсти хлѣбомъ земнымъ и обмельчанія души человѣка до праха. Но это — не жалость, это — безмѣрная жестокость въ отношеніи къ людямъ и великая клевета на человѣка. Жажда и тоска по хлѣбу небесному — въ природѣ всякаго человѣка; уничтожить ее можно, только вырвавши съ кровью сердце человѣка изъ его груди, —это печать царственнаго величія



человѣка.. Христосъ пришелъ не сильныхъ спасать, а слабыхъ. Онъ другъ обремененныхъ и труждающихся, нищихъ и скорбящихъ. Для Него нѣтъ жалкихъ, ничтожныхъ, презрѣнныхъ, а есть только бѣдные, которымъ Онъ простираетъ руку Свою и которыхъ изъ горнила земного горя поднимаетъ для блаженства въ вѣчности... Суди же, могъ сказать Христосъ Инквизитору, кто изъ насъ правъ: ты ли въ своемъ обманѣ или Я—въ милующей любви?..“

И конечно, конечно: когда въ спорѣ о человѣкѣ за душу его даютъ всего лишь сытый хлѣбъ, то это... черезчуръ дешевая плата. Если вся правда жизни заключается только въ физиологическомъ существованіи, тогда пусть лучше пропадетъ жизнь совсѣмъ...

#### IV

Такимъ образомъ споръ о Христѣ и христіанствѣ въ современномъ сознаніи есть прежде всего споръ о томъ, чему въ программѣ жизни надо отдать предпочтеніе: чувственному или началу физическаго существованія или сверхъопытному началу духовнаго бытія. „За Христа или противъ Христа?“ на современномъ языкѣ прежде всего обозначаетъ: за идеалы духа или за грубыя повелѣнія плоти (въ широкомъ значеніи этого слова)?

Но одна ошибка роковымъ образомъ влечетъ за собою обычно другія. Такъ и въ вопросѣ о цѣнности Евангелія. Поклоненіе хлѣбу земному замѣнъ поклоненія Христу и Его вѣчнымъ законамъ духовнаго счастья влечетъ за собою чаще всего принятіе второго искушенія діавола. Это искушеніе въ монологѣ В. Инквизитора называется искушеніемъ „тай-



ной, чудомъ и авторитетомъ“. „Есть три силы, говоритъ Инквизиторъ, единственныя три силы на землѣ, могущія на вѣки побѣдить и плѣнить совѣсть этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ для ихъ же счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитетъ“..

Борьба съ Христомъ и Его Евангеліемъ въ современной антихристіанской культурѣ и ведется именно противопоставленіемъ началамъ христіанской религіи мнимыхъ эквивалентовъ атеистической философіи.

Христіанство проповѣдуетъ три силы, способныя сдѣлать человѣка счастливымъ и именно счастьемъ абсолютнымъ по качеству: а) свободную вѣру, б) мистическую тайну спасенія и в) авторитетъ Божества. И прежде всего вѣру, основанную исключительно на внутренней жаждѣ живого и свободного союза съ Высочайшей Истиной, открывающей Себя въ мірѣ. Эта вѣра, рожденная любовью къ Верховному Источнику жизни, производитъ, *творитъ чудо*, какъ естественный результатъ реального общенія души съ Богомъ, но отнюдь не творится чудомъ. Христось не желаетъ *вѣры отъ чуда* или благодаря чуду, Онъ проповѣдывалъ *чудо отъ вѣры*: кто вѣруетъ съ горчичное зерно, тотъ можетъ переставлять горы; кто вѣруетъ, для того весь міръ и его жизнь — одно непрерывное и многообразное чудо, и явленіе, самое поразительное въ смыслѣ чудесности, есть лишь подтвержденіе его вѣры. А разъ нѣтъ вѣры, то невѣрующіе, „если и изъ мертвыхъ кто воскреснетъ, не повѣрятъ“.

Великій Инквизиторъ думаетъ по этому поводу иначе. Для счастья толпы, для милліоновъ людей, говоритъ онъ, имѣть такую вѣру недоступно. Толпа живетъ внѣшнимъ чудомъ. „Остаться безъ чуда че-



ловѣкъ не можетъ. И если у него не будетъ настоящихъ чудесъ, онъ насоздастъ себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству“... Чѣмъ чудо паразитичнѣе (по внѣшности), тѣмъ сильнѣе оно покоряетъ. Чтобы, стало быть, господствовать надъ челоуѣчествомъ, надо имѣть въ виду эту психологически завѣренную черту.

Безрелигіозная культура (во всѣхъ ея видахъ)—такова дальнѣйшая мысль Достоевскаго—и выдвигаетъ, кромѣ соблазна хлѣбомъ другую силу, отвлекающую отъ христіанства, именно фактъ внѣшней чудесности, открывающійся въ наиболѣе очевидной для всѣхъ области научнаго знанія, — въ прогрессивныхъ успѣхахъ постиженія природы и пользованія ея силами. „Разумъ, говорятъ, безграниченъ по творческой силѣ; онъ творитъ неслыханныя чудеса. Да будетъ посему разуму слава, честь и поклоненіе!... Наука всеильна; она обладаетъ чудотворящими возможностями. Да будетъ и ей безраздѣльное почитаніе!“ Вы понимаете, что и тутъ опять на лицо воистину діавольская логика: страшная по вѣрности расчета и отвратительная по оскорбительности для челоуѣческаго достоинства.

Рѣшительно ничего нельзя имѣть противъ восхваленія науки. Достойному достойное. Объективная наука, наука дѣловыхъ, спокойныхъ тружениковъ мысли и изслѣдованія міра благословенна: въ ея колоссальномъ могуществѣ и побѣдахъ, въ богатствѣ ея идей, замысловъ и учреждений раскрывается необъятное величіе челоуѣческой личности, царственная роль челоуѣка во вселенной. Здѣсь—сила научнаго знанія. Но здѣсь же и ея роковой соблазнъ. Со-



блазнь въ томъ, что среднее сознание не въ состояніи противиться обаянію научной силы, не въ силахъ правильно оцѣнить ея удѣльный вѣсъ, не въ силахъ само указать дѣйствительно поразительнымъ научнымъ богатствамъ настоящаго мѣста въ сокровищницѣ своихъ идей и въ процессѣ построенія осмысленнаго жизнепониманія. Когда нужно сказать: разумъ далъ много, дасть еще больше, но никогда не дасть *всего*, говорить: нѣтъ, онъ дасть *все*—въ немъ чудесный ключъ къ рѣшенію всѣхъ міровыхъ загадокъ. Тутъ не только очевидная ошибка, но и фатальное искушеніе. Ошибка въ томъ, будто духъ нашъ живетъ исключительно только разумомъ, а не въ большей степени чувствомъ и опытомъ совѣсти,—ошибка въ забвеніи до осязательности простой истины, что сколько бы разумъ ни открывалъ великаго и новаго въ области познанія вселенной, но самаго важнаго и даже единственно важнаго—именно вопроса о смыслѣ существованія человѣка и конечномъ назначеніи его во вселенной, одними собственными ресурсами онъ уяснить не можетъ: предъ тайной возникновенія жизни, предъ загадкой смерти, гроба и тлѣнія научное знаніе во всѣхъ своихъ побѣдоносныхъ доспѣхахъ стоитъ въ совершенномъ безсиліи. А искушеніе—въ томъ, что вмѣсто подлиннаго чуда религиозной вѣры, которая одна сполна освѣщаетъ загадку жизни, человѣка обольщаютъ ослѣпительнымъ блескомъ внѣшне-культурнаго благополучія и такимъ образомъ въ гипнозъ научныхъ успѣховъ погребаютъ чуткость къ запросамъ вѣчности, притупляютъ жажду знать: *кто я и зачѣмъ я?*... А въ томъ и другомъ, вмѣстѣ взятомъ, лежитъ великій обманъ, унижительный для человѣческаго достоинства: человѣку не по-



казываютъ *всей* истины о жизни и ея разумныхъ путяхъ, укорачиваютъ его душу и заворачиваютъ ее временно иллюзіей внѣшнихъ чудесъ, чтобы сдѣлать тѣмъ трагичнѣе переживаніе той минуты, когда иллюзія исчезнетъ и человѣкъ останется наединѣ съ своею совѣстью и съ жгучими вопросами о послѣднемъ, окончательномъ смыслѣ бытія...

Гдѣ искать его, этого смысла? Христосъ принесъ отвѣтъ на этотъ вопросъ: тайна спасенія человѣка—въ Сынѣ Божіемъ. Въ Его кровавомъ подвигѣ любви, въ мірѣ вѣчности, въ потустороннемъ царствѣ духовнаго общенія съ Богомъ любви—вотъ гдѣ область человѣческихъ стремленій. Земля, ея труды, горе и радость—только прологъ къ той жизни, которая начнется для всѣхъ за чертой гроба...

Великій Инквизиторъ и по этому поводу думаетъ иначе. „Мы, говоритъ онъ Христу, исправили Твой подвигъ и основали его (кромѣ чуда)... на тайнѣ и авторитетѣ“? Что же это за тайна и авторитетъ? Это опять тайна и авторитетъ, которыми безрелигиозная культура желаетъ замѣнить тайну христіанской вѣры и авторитетъ Бога.

Тайна христіанства, тайна мистическаго, живого общенія съ Богомъ—обязывающая тайна, она есть тяжелая ноша, требующая отъ человѣка свободнаго рѣшенія, свободнаго подвига и сознательной, упорной работы надъ своею нравственной личностью. Это работа избранныхъ, работа героевъ. Но всѣ-ли герои? Какъ и Великій Инквизиторъ (справедливо полагаетъ Достоевскій), его идейные единомышленники—теоретики счастья безъ Бога увѣрены, что изъ безчисленныхъ милліоновъ только отдѣльные тысячи—избранники и герои. Остальная масса человѣчества—жал-



кіе рабы, безсильныя дѣти. Зачѣмъ же, разсужаютъ они, изнурять ихъ непосильнымъ бременемъ подвига? Зачѣмъ требовать отъ нихъ невозможнаго? Не проще-ли ихъ успокоить такъ, чтобы они и не чувствовали никакихъ обязательствъ и никакихъ страховъ предъ какой либо тайной или высшимъ авторитетомъ? Это будетъ лучше для нихъ, это сдѣлаетъ ихъ счастливыми.—Этотъ жалостливый голосъ мнимаго сочувствія къ человѣчеству настойчиво звучитъ обольстительными утѣшеніями во всѣхъ завѣреніяхъ современной безрелигіозной культуры, касающихся разума и цѣнности жизни. Но въ этой жалостливости Достоевскій усматривалъ всегда горечь крайняго презрѣнія къ человѣку. Человѣкъ слабъ, лѣнивъ и лукавъ. Его легко купить не только за обѣщаніе хлѣба земного, который очевиденъ и не требуетъ для своего принятія такихъ затратъ и тяжелыхъ нравственныхъ напряженій, какихъ требуетъ высокая идея о хлѣбѣ небесномъ т. е. о сохраненіи божественнаго достоинства духа; но его легко плѣнить и соблазномъ отрицанія высшей тайны, каковой соблазнъ безъ труда проникаетъ въ лѣнивую душу, охотно отстраняющую отъ себя сознательный подвигъ вѣры въ Верховный міроустроющій Разумъ. Есть ли этотъ Разумъ или нѣтъ, это, говорятъ, неизвѣстно. Пусть же это навсегда останется тайной: лучше слѣпота, чѣмъ свѣтъ съ неба. Забудь—продолжаютъ—свою нравственную свободу, вѣрь слѣпо, даже помимо своей совѣсти, что кругъ твоего существованія очерченъ только линіей земного бытія, что „никакія силы небесныя не ратуютъ за тебя“. Вѣрь тому, что очевидно, а что выше, дальше и глубже очевиднаго, то ненужная тайна, разгадывать которую ты не обязанъ“.



А если тебя стануть спрашивать объ основаніи для такой вѣры, знай: оно лежитъ въ *авторитетѣ* тѣхъ, кто изслѣдовалъ самые корни бытія,—въ авторитетѣ носителей науки, жрецовъ положительной мысли. Кто же они?

Эго не люди строго-объективнаго научнаго труда и знанія—ихъ Достоевскій глубоко чтить,—а тѣ самозванные пророки современности, которые ведутъ сознательную и упорную борьбу съ религіозными началами жизни. Ихъ много, они горды, самоувѣренно властны и чрезвычайно вліятельны. Они говорятъ всегда отъ имени подлинной науки и импонируютъ личиною спокойной внушительности. И трудно сказать: когда они надѣваются на себя мантию учителей агностиковъ и взбираются на проповѣдническія кафедры, по какимъ побужденіямъ больше они дѣйствуютъ: по побужденіямъ ли любви къ человѣчеству или по ожесточенному предубѣжденію противъ всякой религіозной философіи, или по тому и другому вмѣстѣ? Одно ясно: ихъ проповѣдь имѣетъ вредный успѣхъ. Широкій и ясный умъ Достоевскаго отметалъ эту псевдонауку со всеѣмъ паѳосомъ человѣка, искренно и мучительно страдающаго отъ униженія человѣческой личности. Въ такихъ серьезныхъ вещахъ, какъ вопросъ о разумѣ жизни, нужно говорить честно и правдиво и нѣтъ извиненія тому, кто для такихъ случаевъ не находитъ другого языка, кромѣ языка прямого обмана или недостовѣрныхъ гипотезъ, выдаваемыхъ за показанія единственно достовѣрнаго научнаго опыта. Такова была всегдашняя мысль Достоевскаго. Псевдонаучное знаніе съ его насиліемъ надъ совѣстью просто-думающаго человѣка вызывала въ немъ чувство раздра-



женія. „Полунаука, говорилъ Достоевскій, — это самый страшный бичъ человѣчества, хуже мора, голода и войны. Это деспотъ, имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ, предъ которымъ все преклонилось съ любовью и суевѣріемъ, до сихъ поръ невысказаннымъ, — предъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потекаетъ ему“. Раболовное отношеніе къ псевдонаучному знанію подмѣчено Достоевскимъ удивительно тонко. Присмотритесь въ самомъ дѣлѣ къ показаніямъ ежедневнаго опыта, къ бюллетенямъ, такъ сказать, нашихъ бытовыхъ будней и спросите: откуда и какъ рождается на нашихъ глазахъ идейная религіозная беспомощность и отрицаніе вѣры? Почти исключительно на этой чрезмѣрной торопливости въ преклоненіи предъ всякимъ сомнительнымъ научнымъ авторитетомъ. Ужъ такъ дѣйствительно не серьезно налажена духовная жизнь массы, такъ приученъ человѣкъ нашихъ дней быстро съ головой безъ борьбы и критики отдаваться въ плѣнь каждой притязательно-громкой фразѣ, крикливой самоувѣренности, особенно если эта самоувѣренность выступаетъ предъ нами съ фальшивымъ паспортомъ настоящей науки. Зачарованные плоскими фразами, подъ гипнозомъ наивнаго довѣрія часто къ третьестепенному авторитету, увлеченные очень серьезнымъ удобствомъ отбросить стѣснительную для себя опеку небеснаго авторитета, люди цѣликомъ иногда отдаются на служеніе богамъ отрицанія, въ увѣренности, что это единственный путь ихъ личнаго духовнаго удовлетворенія. Для громадной массы средне-интеллигентныхъ умовъ все горизонты вѣчныхъ вопросовъ сходяся и тонуть часто въ страницахъ легкой популярно-противорелигіозной брошюры...



И при всемъ томъ Достоевскій глубоко убѣжденъ, что В. Инквизиторъ клеветалъ на человѣка, когда увѣрялъ Христа, будто обольщеніемъ ложной тайны (тайна невѣдѣнія) и сомнительнаго авторитета можно овладѣть сполна душой человѣка, успокоить ее и дать ей счастье... Искренними признаніями самого Инквизитора онъ удостовѣряетъ,—и съ этимъ невозможно не согласиться,—что свободный умъ, свободная наука вовсе не гарантія мира и душевнаго удовлетворенія. Наука живётъ непрерывнымъ *исканіемъ*, она вѣчно текуча и измѣнчива, она не даетъ жизненныхъ аксіомъ. Нерѣдко она заводитъ человѣка въ такія дебри и ставитъ его предъ такими чудесами и неразрѣшимыми тайнами, что человѣкъ теряетъ душевное равновѣсіе, и его вѣра въ абсолютное всемогущество разума разрѣшается у него часто трагическимъ до самоистребленія отчаяніемъ. Обаятельная чудесность умственной силы даже для самихъ признанныхъ авторитетовъ науки превращается въ источникъ нестерпимо мучительныхъ страданій, когда, пройдя въ поискахъ смысла жизни всѣ тропинки и дороги, они въ концѣ концовъ убѣждаются, что отовсюду ихъ окружаетъ непроницаемая тайна. Но примириться съ *тайной невѣдѣнія* человѣкъ не въ силахъ. Не спрашивать о смыслѣ тайны онъ не можетъ. Какъ Анатема (у Л. Андреева), человѣкъ ума не можетъ быть покоенъ, пока не заглянетъ за таинственную завѣсу, скрывающую отъ него смыслъ бытія: онъ будетъ скорѣе грызть землю, ползать по камнямъ, стонать и вопить, требовать и умолять, чтобы „Заграждающій входы“ открылъ ему хоть небольшую щелку въ міръ вѣчности; но молчать онъ не будетъ. И если ему не дадутъ удовлетворенія,



онъ скорѣе истребитъ себя, чѣмъ станетъ жить въ абсолютномъ невѣдѣніи. — Что касается массы, которую желаетъ облагодѣтельствовать современная культура, то собственными средствами, пользуясь только своими магическими *тайной, чудомъ и авторитетомъ* достигнуть этого она (культура) не можетъ. Толпа, какъ убѣжденъ Достоевскій, во всякомъ чудѣ—даже суевѣрномъ колдовствѣ—ищетъ непременно божественныхъ ощущеній, во всякой тайнѣ—вѣянія нездѣшняго разума, — въ каждомъ авторитетѣ, даже проповѣдующемъ безбожіе, непременно *религіознаго* кумира. Чтобы подчинить ее себѣ, сдѣлать рабски послушной и счастливой, представители безрелигіозной философіи жизни должны прибѣгнуть къ другому средству, именно—къ грубой лжи, — должны сдѣлать то, что предположилъ сдѣлать В. Инквизиторъ съ своими идейными союзниками: обмануть толпу во-первыхъ, именемъ Христа; во-вторыхъ, наградой вѣчной и небесной т. е. всѣмъ тѣмъ, что есть самого дорогого у человѣка въ этой жизни. Помните, какъ Инквизиторъ обѣщаетъ успокоить „человѣческое стадо“. „Они тихо умрутъ, тихо угаснутъ... *во имя Твое*“. „За гробомъ они обрящутъ лишь смерть. Но мы сохранимъ секретъ, и для ихъ же счастья *будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчною*“...

Тутъ В. Инквизиторъ обмолвился не даромъ. Въ этихъ словахъ основной тезисъ легенды и основное убѣжденіе самого автора: разрѣшить проблему жизни внѣ религіозной плоскости никакой самый тонкій и эластичный умъ не можетъ.



## V

Наконецъ фатальный и самый тяжелый по преступности грѣхъ всѣхъ атеистически — настроенныхъ творцовъ человѣческаго счастья — это принятіе ими полностью третьяго искушенія діавола о всемірномъ владычествѣ.

Въ рѣчи объ этомъ соблазнѣ, помимо прямой ссылки на коренное заблужденіе римско-католической церкви о папской власти, Достоевскій имѣетъ въ виду между прочимъ (а можетъ быть и преимущественно) одно изъ уродливыхъ порожденій антирелигіозной культуры — современныя доктрины такъ называемаго научнаго социализма, съ которымъ Достоевскій боролся всю свою жизнь и какъ художникъ и какъ публицистъ и который онъ считалъ самымъ серьезнымъ несчастіемъ нашего времени.

„Мечъ Кесаря“, протянутой надъ всѣмъ міромъ, это мечъ пролетаріата, мечтающаго руками своихъ вождей соединить подъ своею властью все трудовое человѣчество и устроить на землѣ „единый согласный муравейникъ“ счастливыхъ людей, которые не знали бы никакого небеснаго Бога и исповѣдывали бы только бога земли...

Идеологія этого социализма извѣстна. Смыслъ работы каждаго человѣка въ данный моментъ эта доктрина полагаетъ въ постепенной подготовкѣ почвы для того золотого вѣка, когда создастся на землѣ всемірное царство безъ Бога блаженныхъ людей. Настоящія поколѣнія цѣною отреченія отъ личной жизни со всѣмъ напряженіемъ своей энергіи, ума и физическихъ силъ должны собирать камни для основанія зданія этого царства будущаго счастливаго че-



ловѣчества. Эта мечта горячихъ головъ, —неоднократно говорилъ Достоевскій, —не имѣеть для себя абсолютно никакихъ оправданій ни въ культурно-историческихъ аналогіяхъ прошлаго, ни въ опытныхъ показаніяхъ настоящаго, ни въ предчувствіяхъ будущаго, —но имѣеть всѣ качества логически неосмысленной концепціи, которая практически можетъ привести какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ, чѣмъ на какіе она рассчитана. Разъ нѣтъ Бога и безсмертія, разъ на землѣ безвозбранно царить только зло, и страданія и слезы и стоны человѣческіе ничѣмъ и никогда не будутъ искуплены, то, часто говорилъ Достоевскій устами своихъ героевъ (приблизительно), каково бы ни было будущее счастье, я не хочу работать для него. „Мнѣ жизнь однажды дается, и никогда ея не будетъ: я не хочу дожидаться *всеобщаго счастья*, я и самъ хочу жить“ (Раскольниковъ). „Пока я живу и желаю, да отсохни у меня руки, коль я хоть одинъ кирпичекъ принесу“ на будущее зданіе счастливаго человѣчества („Записки изъ подполья“). Если нѣтъ Бога и безсмертія, то человѣку позволительно стать *человѣкобогомъ*... Для Бога не существуетъ закона. Гдѣ станетъ Богъ, тамъ уже мѣсто Божіе. Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... *все позволительно* —и шабашъ, даже антропофагія“ (Братья Карамазовы).

Въ „Запискахъ изъ подполья“ Достоевскій особенно зло вышутить совершенное непониманіе моральной психологіи личности, сказавшееся въ социалистическихъ претензіяхъ на обработку человѣка по пролетарскому шаблону.

Здѣсь, въ легендѣ, ставши на религіозно-философскую почву, онъ съ меньшей силою обрушивается



на ту же мечту о социальномъ счастье. Онъ определенно говорить здѣсь, что эта мечта—отъ лукаваго и проникнута опять воистину діавольскимъ презрѣніемъ къ человѣку. „Мы съ *нимъ*, признается В. Инквизиторъ, мы взяли отъ него (діавола) послѣдній даръ, который ты отвергъ, когда онъ предлагалъ тебѣ, показавъ всѣ царства міра; мы достигнемъ окончанія своего дѣла; теперь оно еще не окончено, но будетъ окончено: мы будемъ кесарями, и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастье людей“. Надвигающійся на мирную христіанскую культуру социализмъ и преступень, во-первыхъ, своимъ богоборческимъ напряженіемъ и во-вторыхъ, грандіознымъ обманомъ, скрытымъ въ обѣщаніи социального счастья. Тѣ, кто, отказавшись отъ Христа, идутъ послушно въ его ряды, должны знать, что ихъ путь—рука объ руку съ духомъ зла, и таитъ въ себѣ катастрофическій конецъ. Въ концѣ этого пути, говоритъ Достоевскій, скрыто не счастливое существованіе, а кошмарный ужасъ, отъ одного представленія котораго должна сбѣжать краска съ лица морально опрятнаго человѣка. Помните, какъ рисуетъ это будущее счастье человечества В. Инквизиторъ. Тихое смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, жалкихъ дѣтей, трепещущихъ расслабленно гнѣва своихъ благодѣтелей,—робкихъ умомъ, бѣдныхъ,—нищенски бѣдныхъ здоровыми чувствами, безвольныхъ и тупыхъ. Назвать подобную идиллію полуживотнаго существованія счастьемъ довольно трудно. Еще труднѣе придумать что-либо другое, болѣе унижительное для человѣческаго достоинства, чѣмъ такое счастье. Быть участникомъ такого счастья постыдно; для этого нужно напередъ потерять всякое уваженіе къ самому себѣ,—настоль-



ко обмельчить свою душу, чтобы удовольствоваться жалкимъ существованіемъ въ средѣ какой-то безкачественной человѣческой массы, гдѣ стерта будетъ всякая индивидуальность, погашенъ огонь вдохновенія и творчества, гдѣ мысль, совѣсть, желаніе будутъ обезвкуплены,—гдѣ все люди будутъ равны страшнымъ равенствомъ тихаго прозябанія до безнадежной могилы, за которой разстилается безпросвѣтный мракъ абсолютнаго небытія. Только дьявольская изобрѣтательность могла подсказать людямъ такую богохульную и вмѣстѣ человѣко-ненавистническую, хотя и замаскированную покровомъ гуманности, концепцію жизнепониманія. Такова заключительная мысль легенды и научно-философское убѣжденіе самого Достоевскаго.

Конечно, Великій Инквизиторъ (по мысли Достоевскаго) умнѣ своихъ словъ, сказанныхъ о соблазнѣ всемірно-объединеннаго союза безъ Бога счастливыхъ людей. Въдѣ предъ нимъ стоялъ Христосъ, молчаливый и сострадательный къ его возмутительной апологіи безбожія и позорнаго счастья. Поэтому, какъ персонажъ легенды невольно,—но несомнѣнно по обдуманному намѣренію автора—Великій Инквизиторъ все время въ теченіе своей рѣчи о счастья жалкихъ слабосильныхъ дѣтей будущаго ведетъ другую скрытую, но достаточно осязательно чувствуемую апологію иныхъ дѣтей, дѣтей Божіихъ, представленіе о дѣйствительномъ существованіи которыхъ лишало его спокойствія, какъ изблительная правда, пугало, какъ мстительный призракъ и вынуждало торопиться съ приговоромъ надъ Христомъ. Черезъ все его грозно-возбужденныя фразы слышится (и въ этомъ—особенная красота въ построеніи монолога



В. Инквизитора) беззвучная рѣчь самообличенія: „ты неправъ всетаки, и самъ это чувствуешь; человекъ выше и благороднѣе и честнѣе и шире, чѣмъ ты думаешь; люди—не безмысленное стадо, не слабосильныя, ничтожныя существа; даже дѣйствительно слабыя изъ нихъ—дѣти Божіи, рожденныя для неба; они всѣ чувствуютъ неземную святую свою личности; ни за какіе перлы земли они не продадутъ первородства своего безсмертнаго духа; въ Богѣ—смыслъ ихъ жизни; въ Богѣ и смертный покой ихъ для возрожденія въ вѣчности“.







## Оглавленіе.

Религіозная стихія въ русской художественной литературѣ. *Θ. М. Достоевскій* . . . . . 3.

I. Легенда о „В. Инквизиторѣ. Ея исторія и содержаніе. . . . . 5.

II. Смыслъ легенды. Духъ земли противъ Духа Христова. Двойственное лицо В. Инквизитора. „Хвала Іисусу“. . . . . 12.

III. *Искушеніе хлѣбомъ*. Хлѣбъ земной и хлѣбъ небесный. Триумфъ ума и убыль души. Культура духа и сытость. Цѣна души человѣческой: хлѣбъ за свободу, за совѣсть и достоинство личности. . . 17.

IV. *Искушеніе чудомъ*. „Чудо, тайна и авторитетъ“. Вѣра отъ чуда и чудо отъ вѣры. Чудо разума и его немощь. Тайна вѣры и тайна агностицизма. Авторитетъ религіи и авторитетъ знанія (псевдонаука и ея деспотизмъ; наука и ея драма). . . . 27.

V. *Искушеніе міровымъ владычествомъ*. Научный социализмъ. „Мечъ Кесаря“. Необоснованность социалистической вѣры. Позоръ счастливаго прозябанія. Слабосильныя дѣти и дѣти Божіи. . . . 37.

---







**ЦѢНА 30 КОП.**

Выписывать отъ автора, Киевъ, Московская 29 кв. 2.